

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.3

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА»

DECONSTRUCTION OF THE NOTION OF «SOCIAL STRUCTURE»

О.С. Мантуров
O.S. Manturov

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19*
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19 World St, Yekaterinburg, 620002, Russia

E-mail: oleg.manturov@urfu.ru

Аннотация. В статье производится деконструкция понятия «социальная структура», позволяющая проследить становление понятия в научном дискурсе и выявить основные механизмы структурных проявлений. Устанавливается круг значений данного термина и очерчивается область смыслов, в которой он может и должен вращаться. В статье провозглашается необходимость трансформации статуса и смысла термина «социальная структура». Автор призывает к отказу от редукционистских представлений о структуре, предлагает отойти от представления структуры в качестве модели и изучать ее функционирование в динамике, в пространственно-временном измерении.

Resume. The notion of “social structure” that allows to retrace a notion formation in an academic argument and reveal principal mechanisms of structural manifestations is deconstructing in the article. Scope of sense of afore-said term is formed and scope of meaning in which the term can and should be is outlined. Necessity of mining and status transformation of the term “social structure” is proclaimed in the article. The author suggests departing from presentation of the structure in the capacity of model and studying its functioning in dynamics, in spatio-temporal measurement.

Ключевые слова: социальная структура, деконструкция, структурирование, процессуальность, дифференциальность.

Key words: social structure, deconstruction, structuring, procedural activity, differentiability.

Данная статья посвящена исследованию смысла и способов применения термина «социальная структура». Отметим, что по настоящий день данный термин является не просто актуальным, но скорее даже «модным», без обращения к которому не обходится практически ни одно серьезное исследование в области социальных наук. На стадии становящегося пост-классического этапа научного теоретизирования, связанного не столько с отрицанием классических парадигм, сколько с необходимостью выработки новых типов образцов, обуславливающих механизмы сосуществования социальных систем, становится особенно важным определить с универсальными терминами, используемыми в большинстве исследований, отказаться от которых невозможно ни при каких условиях. Термин «социальная структура», занимающий в данном проблематическом поле одну из первых позиций, определенно нуждается в деконструкции – переосмыслении, раскрытии смыслового спектра и исключении из него всевозможных противоречий и предрассудков.

В основе понятия «структура» лежит латинское «struere», что можно перевести как «строить», «соединять». Тем самым, представления о структуре изначально связаны с отсыл-

кой к «строению, «конструкции: «Изначально понятие “структура” относится лишь к пространству, морфологическому или геометрическому порядку форм. Этот термин служил метафорой для обозначений пространственных коннотаций» [Деррида, 2000]. Второе значение термина «structura» – «расположение», «порядок». Данные значения термина остаются актуальными и в эпоху Нового времени. В 18 веке в научный оборот вводится словосочетание «органическая структура». М. Фуко в своей работе «Слова и вещи» отмечал активное его использование в рамках «естественной истории», у Линнея, Бонне и др. (оно служило для понимания образования сложных тел из простых элементов). К 19 веку (у Ламарка, Жюсье) оно служит уже для определения признаков: «оно подчиняет одни признаки другим, связывает их с функциями, располагает их согласно архитектонике не только внутренней, но и внешней, столь же невидимой, сколь и видимой, оно распределяет эти признаки в ином пространстве, нежели пространство имен, речи и языка» [Фуко, 1994]. Понятие «структура» использовалось и для противопоставления органической и неорганической природы. Использование понятия органической структуры, отмечает М. Фуко, помогало описывать: а) иерархию признаков б) связь признаков с функциями в) связи между различными органами в рамках организма как целого г) совокупности живых существ. В конечном счете, использование понятия органической структуры в работах Ламарка помогло последнему сосредоточить внимание на двух отдельных друг от друга областях исследования: описании видовых сходств и постепенных преобразований.

В 19 веке термин «структура» всплывает в некоторых дисциплинах научного знания: в химии (в теории химического строения вещества), психологии (у В. Вундта, К. Эренфельса), лингвистике (у Ф. де Соссюра). В начале 20 века данный термин всюду используется антропологами (Б. Малиновским, А. Рэдклиф-Браун) и литературоведами (Б. Томашевским). Именно в этих областях знания термин «структура» приобретает особую актуальность в 20 веке. В 1928 году на «Первом международном конгрессе лингвистов» в Гааге термин «структура» используется в словосочетании «структура системы» [см. Рикер, 2008]. Структура тем самым выступила набором сочетаний, из которых создавалась индивидуальная конфигурация языка. «Структурный» фактически означало «системный».

Стоит заметить, что в прошлом столетии термином «структура» пользовались практически все социальные и гуманитарные науки. Такая «актуализация» сыграла с данным понятием злую шутку – оно приобрело не просто множество значений, но чуть ли не каждый исследователь считал своим долгом придать ему собственный, «авторский», смысл. Научное сообщество словно подхватывает призыв, провозглашенный однажды Э. Голосовкером: «Не только все физическое, но и все ментальное, все духовное имеет свою структуру, – безразлично, будет ли оно дано в положительном или отрицательном плане» [Голосовкер, 2010]. Такая постановка вопроса не могла устраивать научное сообщество: в 1959 году в Париже по инициативе ЮНЕСКО проводится коллоквиум, посвященный правильности употребления термина «структура» [Дьяков, 2010]. Четко выделяются два способа применения термина: 1) применительно к реальным объектам («реальные структуры») и 2) как некие информационные конструкции, модели («формальные структуры»). Первый способ применения был характерен, например, для биологии, второй – для математики («структуры упорядоченного множества», «топологические структуры»). Уже тогда такой способ решения проблемы не мог устраивать многих ученых. Так, Ж. Пиаже, выступая против подобного деления, говорил о необходимости различения «универсальной» структуры (которая бы составляла аппарат всех наук без исключения) и «частных» структур (характерных для конкретных научных дисциплин или школ). Основными определяющими характеристиками структуры, согласно Пиаже, должны выступать: целостность (подчинение элементов целому), трансформация (возможность упорядоченного перехода одной структуры в другую) и саморегулирование (внутренне функционирование правил в системе) [Peaget, 1968].

В 1974 году проходит 69-ое годовое заседание Американской социологической ассоциации, провозгласившее девиз для своей работы: «Фокус на социальную структуру» [Руткевич, 2004]. Изучением области применения термина «социальная структура» пристально занимался польский социолог П. Штомпка. Анализируя спектр значений термина, он выделяет четыре основных черты, отмечаемых большинством исследователей: а) структура как существование связи между элементами; б) структура как регулярность, закономерности, повторяемость, устойчивости; в) структура как «глубинное, скрытое, фундаментальное, существенное измерение»; г) структура как «детерминирующее, определяющее, контролирующее влияние в отношении эмпирических явлений» [Штомпка, 2001]. Сам же П. Штомпка предлагает ис-

пользовать обобщенное, универсальное значение термина «структура»: «Структура – это скрытая сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, существенным образом влияющая на развитие явлений, наблюдаемых в этой области» [Штомпка, 2001]. Социальная структура для Штомпки – категория абстрактная, лишенная конкретизации; она необходима для объяснения конкретики общественной жизни, но является при этом сутобо теоретической. В отличие от общественной жизни, социальная структура не может быть наблюдаема. Эта категория служит для упорядочения и объяснения социальных фактов: «Общественная жизнь – *поверхностный*, открытый слой социальной реальности; социальная структура – слой *глубинный*, скрытый от социального мира [Штомпка, 2001]. Социальная структура тем самым – лишь «аспект» социальной реальности. Штомпка считает необходимым заявить о существовании четырех «измерений» данного аспекта: 1) «Нормативное» (провозглашенное Дюркгеймом); 2) «Идеальное» (совокупность идей и убеждений, распространенных в обществе); 3) «Интеракционное» (взаимная ориентация членами общества своих действий); 4) «Измерение, касающееся различных и связанных интересов», распределения доступа к общественным благам (очевидна отсылка к исследованиям К. Маркса). Думаю, можно назвать данное измерение «иерархическим». Эти измерения предстают перед Штомпкой как нечто единое целое, «структура структур», «метаструктура», «структура второго порядка».

К во многом схожим выводам приходит в своих работах и М.Н. Руткевич. Прежде всего, стоит отметить, что Руткевич смог обозначить наиболее распространенные ошибки в трактовке термина «структура». Они таковы: 1. Понятие структуры используют, замещая им понятие системы, то есть понимают под структурой некую организацию; 2. Общепринятое определение структуры как совокупности связей между элементами сужают до определения ее как «закона связи элементов» в системе, то есть относят к структуре только основные, главные связи. Сам же Руткевич предлагает обязательно учитывать следующие моменты: «1. Иерархичность строения социальной системы (любая социальная система расчленена на подсистемы, каждая из которых также состоит из подсистем); 2. Под социальной структурой общества подразумевается спектр, клубок различных структур; 3. Важно учитывать процессы дифференциации и интеграции и отображающие их категории» [Руткевич, 2004]. Выстраивая собственную типологию социальных структур, он выделяет 3 основных типа: 1) Глобальный. Речь идет о социальной структуре всего общества на Земле (а не об отдельном социуме); 2) Структура связи и взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни (экономическая структура, политическая структура и т.п.); 3) Структура связи и взаимодействия социальных групп, слоев и других общностей. По мнению Руткевича, основной вид социальной структуры – социально-классовая, поскольку именно она определяет все остальные. Менее значимые: социально-демографическая, социально-территориальная, профессионально-квалификационная и т.д. Менее всего исследователя, согласно убеждению Руткевича, должна заботить так называемая «структура личности»: «Структура личности не может быть положена в основу структуры социальной системы. Для того чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, чем обрисованный выше, нужны дополнительные посылки» [Руткевич, 2004].

Децентрированность структуры

И Руткевич, и Штомпка выделяют среди самых существенных одну (основополагающую для них, надо заметить) характеристику социальной структуры – ее связь с социальными общностями. Такими общностями могут выступать социальные институты, слои общества, классы людей, большие и малые группы. Но можем ли мы, отмечая существование проблемы структурирования социальности, заикливаться только на социальных общностях? Очевидно, что социальность и коллективность – это не совсем одно и то же. Или же совсем не одно и то же. Социальные общности – лишь одна сторона медали. Вторая, не менее важная – личности. Очевидно, что личности оказывают какую-то роль в становлении социальности и ее структур. Социальность – не эфемерный объект, представить существование социальности без человека – по меньшей мере абсурдно. Эта сторона проблемы отмечалась многими признанными учеными (к трудам которых, к слову, обращались и Руткевич, и Штомпка, обходя при этом указанную нами дилемму). Тем самым, мы можем заметить, что проблематизация социальной структуры подавалась социальной теорией как правило сквозь призму редукционистского типа анализа. Методология редукционизма приводит нас к целому калейдоскопу концептов, базирующихся главным образом на системном аспекте структуры: «В каких бы контекстах,

сопоставлениях или противопоставлениях ни использовалось понятие структуры (в гуманитарных науках, в социологии, в топологии конца XIX – начала XX веков), неизменным остается ее понимание как совершенной функционирующей системы» [Керимов, 2010].

Анализ, претендующий на более или менее удовлетворительное объяснение понятия социальной структуры, должен в первую очередь доказать необходимость самого этого понятия. Даже если принять во внимание классическое определение структуры (структура как нечто стабильное, неизменное, повторяющееся), то мы наталкиваемся на череду более распространенных терминов и категорий, выражающих в обыденном языке те же самые представления: «Чтобы узнать, почему говорят “структура”, нужно знать, почему появляется желание больше не говорить *eidos*, “сущность”, “форма”, *Gestalt*, “множество”, “композиция”, “комплекс”, “конструкция”, “корреляция”, “тотальность”, “Идея”, “организм”, “состояние”, “система” и так далее. Нужно понять, почему каждое из этих слов обнаружило свою недостаточность и почему также понятие структуры по-прежнему заимствует у них некое скрытое значение, позволяя им гнездиться в себе» [Деррида, 2000]. Общее у термина «структура» и группы этих понятий – акцентирование на центрированности (выделении центра, вокруг которого образуется структура) и закрытости (как одном из условий неизменности, стабильности).

Любая структура мыслится центрированной, выстраивающейся вокруг некоего объединяющего начала или принципа (что, собственно, и дает структуре ее номинальное определение). Центр становится тем источником, который во многих отношениях определяет пространство структуры. Центричность задавала координаты структур общества в социальном пространстве, а также четко указывала границы, за пределами которых всякое структурирование социальной структуры наталкивается на хаотичностью, непредсказуемость последствий. Не менее важным остается и принцип структурной закрытости. Закрытость структуры предполагает правила и границы этой игры элементов, при которой содержательные изменения не оказывают рокового влияния на форму самой структуры. Границы и область применения разнообразнейших трансформаций определялась изнутри самой структуры. Только принимая во внимание закрытость структуры, ее способность противостоять чуждым влияниям (то, что понимается как устойчивость структуры к изменениям), возможно уловить само ее существование, представив социальную структуру тем самым некой идеальной моделью.

В этом заключается апория эмпирической закрытости и трансцендентальной открытости структуры. Любые метафорические коннотации, вращающиеся вокруг пространственных детерминант, заведомо будут приводить нас в тупик. Мы должны исходить из той посылки, что структура всегда – открытая, становящаяся и тем самым децентрированная. Структура – это не только форма (а именно форму видят в структуре большинство исследователей), но и содержание: «Форма соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой» [Деррида, 2000]. Структура всегда – единство формы и смысла, содержания и значения. Только заключая в скобки все фигуративные коннотации понятия «социальная структура», то есть тематизируя и исключая из этого понятия геометрическую репрезентацию унифицированного и центрированного пространства, мы способны будем помыслить «структуральность структуры».

Следуя по пути, проложенному структурализмом, мы отрываем структуру от временно-го измерения социальной жизни, допуская тем самым роковую ошибку. Именно от такой ошибки и предостерегал нас Деррида: «В самом деле, пока метафорический смысл понятия структуры не признан *в качестве такового*, то есть не исследован и, быть может, даже не разрушен в своей фигуральной силе, что необходимо для пробуждения непространственности или особой пространственности, указанной в нем, мы рискуем в тем более незаметном, чем более *эффективном* соскальзывании смешать смысл с его геометрической или морфологической, в лучшем случае – кинематической, моделью. Мы рискуем заинтересоваться самой фигурой в ущерб игре, которая разыгрывается здесь метафорой» [Деррида, 2000]. Отказ от подобных принципов ведет нас к взглядам на не-пространственность, или опространствование, структуры (ее функционирование в динамике, то есть в пространственно-временном измерении). Открытость структуры и ее существование в длительности, в процессе – ключевые факторы самой возможности ее существования: «Структуральность структуры – это “фундаментальная”, “сущностная” структура; она позволяет целостности открывать саму себя и выходить за свои пределы. Без открытия и, стало быть, предвосхищения своей конечной цели, любая закрытая структура бессмысленна. Это открытие трансцендентального рода. Это структурное открытие, или структуральность открытия» [Керимов, 2010]. Открытость структуры – не просто способ ее существования, но также и возможность ее завершенности, и даже условие воз-

возможности ее закрытости. Структура как замкнута, так и открыта, как статична, так и исторична. Структура – трансцендентально открытая множественность, представляющая собой условия возможности этих и многих других альтернатив.

Принцип структуральной бесконечности

Итак, само предположение о устойчивой структуре всегда основано на молчаливом постулировании некоего центра, который не принадлежит структуре полностью. Наличие такого центра позволяет упорядочить элементы структуры в единый строгий ансамбль. «Функция этого центра заключалась не только в том, чтобы сориентировать, уравновесить и организовать структуру – ведь неорганизованная структура и в самом деле немыслима, – но, самое главное, в том, чтобы сам принцип организации структуры полагал предел тому, что можно было бы назвать ее *игрой*. Несомненно, что центр структуры, ориентируя, организуя и обеспечивая связность системы, допускает игру элементов внутри целостной формы. И сегодня структура, лишенная всякого центра, по-прежнему представляет само немыслимое» [Деррида, 2000]. Для Ж. Дерриды этот «центр» – не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его «силы желания». То есть, не отвергая наличия у структуры центра, он, тем не менее, отрицает их генетическое родство («центр не принадлежит структуре») и подчёркивает внешний, субъективный характер центричности структуры. Из этого тезиса можно сделать важный вывод: если центр не есть объективное свойство структуры и не является при этом единственно возможной для структуры константой, значит, во-первых, структура может совсем отказаться от него (то есть быть хаотичной, децентрированной), и, во-вторых, может ориентироваться в своём становлении и развитии на несколько одновременно существующих центров (то есть быть плюральной, множественной).

Таким образом, неразрывно связанными между собой оказываются утверждение «структуральности структуры» как игры различия и невозможность репрезентации, тотализации структуры. «Игра различия» проявляет себя в сериях бесконечных замещений, совершающихся в очерченном пространстве конечного множества. Конечность пространства структуры, ограниченность его области как раз таки предполагает необходимость бесконечных замещений, как основополагающий принцип самой возможности существования-становления структуры. Так, структура в своем непрерывном становлении оказывается принципиально нетотализируемой, окончательно незавершенной. В отсутствии источника, центра эта игра избегает горизонта истины.

Структурная бесконечность как «игра различия», бесконечность замещений центра, сопротивляется окончательной тотализации. В конструкции первоначальной структуральности деконструируется оппозиция между эмпирической закрытостью и трансцендентной открытостью, эмпирической конечностью и трансцендентной бесконечностью. Структурная бесконечность предполагает возможность истинного бесконечного (по Гегелю), и даже возможность тотализации, но таким образом, что она дополнительно обременяется, ограничивается постоянной отсылкой к иному, другому центру. Существованием этого иного центра и задается невозможность окончательной тотализации структуры. Принцип структуральной бесконечности, проявляющий себя в децентрации социальной структуры как истории непрерывных замещений ее центра, не оставляет ей шанса сформироваться окончательно, просто открыться или просто закрыться.

Но если бесконечность неизбежна, то причина этого в том, что она конечна, но конечность понимается в несколько ином смысле. Главное здесь – «избыточная природа конечности, бесконечность неприсваиваемости ее смысла, ее отказ закрыться на себе полностью» [Nancy, 1998]. Бесконечность этой структурной бесконечности зависит от конечности области, которая регулируется бесконечными замещениями. Конечная область структуры есть результат ее ограниченного числа элементов. Но эти элементы располагаются таким образом, что в обход тотализующего центра структуры допускают игру бесконечных замещений. Закон этой игры структурален, поскольку «в отсутствие» тотализующего центра с необходимостью порождает возможность бесконечных замещений. Такая игра, которая налагает запрет на тотализацию, не более конечна, чем бесконечна, и, как пишет Деррида, «больше не может пониматься в оппозиции конечности и бесконечности, отсутствия и присутствия, отрицания и утверждения» [Деррида, 1999]. Понятие структурной бесконечности объясняет связь и различие конечного и бесконечного, тождества и различия, единого и многого, и задает другой порядок открытости и закрытости, эмпирического и трансцендентального.

Для нас остается открытым вопрос, как возможно объяснить стабильность и воспроизводимость структуры в терминах организации самой этой структуры, избежав при этом порочного круга структуры и действия (события, генезиса). Суть проблемы становится очевидной с введением третьего элемента отношения — субъекта действия. Если действие зависит от субъекта, а последний зависит от структуры, но структура в свою очередь невозможна без действия, тогда мы попадаем в замкнутый круг, в котором мы не можем обосновать то, что изначально намеревались обосновать. То есть структура становится мыслимой только при условии готового, заранее данного действия. Другими словами, структура обосновывает возможность действия, но сама структура получает оправдание, поскольку действие представляется в качестве структурированного. Деконструкция понятия «социальная структура» будет осуществленной только тогда, когда нами будет дан ответ на вопрос о том, как можно мыслить «структуральность структуры» изнутри самой структуры.

Критерии актуализации структуры

На чем основывается «структуральность структуры»? Не только на ее «геометрических» (критерии выделения структуры, делающие ее для нас зримой, придающие ей форму) и «архитектурных» (придающие ей содержание, соответствующее форме, то есть механизмы функционирования) параметрах, но и на категориях длительности. Структура имеет смысл трансцендентальной открытой множественности, которая представляет собой условия возможности взаимного опосредования структуры и генезиса, структуры и события, структуры и действия. Структура обозначает здесь открытую множественность, то, в чем организовывается игра присутствия и отсутствия, конечности и бесконечности.

Главный вопрос для нас заключается в том, чтобы заменить проблему обусловливания на проблему становления. Такой переход осуществим только при условии трансформации статуса и смысла структуры. Эта трансформация связывается нами с выдвиганием на первый план такого принципа функционирования структуры, как процессуальность. У. Эко, разрабатывая свою теорию структуры, заявлял: «Речь идет о термине, который определяет одновременно как целое, части этого целого и отношения частей между собой, об “автономной целостности внутренних зависимостей”, о некоем целом, образованном слитыми воедино частями, причем все они зависят друг от друга и каждая из них может быть тем, что она есть, только во взаимосвязи со всеми остальными...» [Эко, 1998]. Это высказывание в точности схватывает основную суть структуры, то, что позволяет рассматривать ее именно как процесс и в процессе, но не как самостоятельную сущность или же форму. Если сущность или формы всегда даны нам наперед, то структура определяется в процессе, по ходу дела.

Для описания структуры в процессе, мы должны выделить критерии или параметры этого процесса. Эти критерии мы обнаруживаем, в частности, в исследованиях Ж. Делеза. Делез пишет: «... “структурализм” представляется нам, пожалуй, единственным средством, с помощью которого генетический метод может реализовать свои амбиции» [Делез, 1998]. Но структуру он определяет не в качестве вневременного кода или формальной аксиоматической системы. Напротив, основой его определения служит анализ математических структур, представленный в трудах А. Лотмана и Ж. Вюйемена. Для определения структуры он выделяет две группы критериев.

Первую группу составляют следующие критерии:

1. Элементы структуры. Структура состоит из множества дифференциальных элементов, вступающих в отношения друг с другом. Дифференциальные — значит различные, изменяющиеся в зависимости от внешних условий. Каждый раз элементы и отношения между ними определяют природу сущего и объекты, осуществляющие в своей актуальности данную структуру. Данные элементы связаны между собой в качестве мест в топологическом структурном пространстве. Структура тем самым выступает единством множества комбинаций дифференциальных элементов.

2. Дифференциальные отношения. В математике дифференциальные отношения устанавливаются между элементами, не обладающими определенным значением, но тем не менее взаимоопределяющимися в отношениях между собой. Дифференциальные отношения между элементами актуализируются в пространственно-временной сфере, а элементы этих отношений актуально воплощаются в разнообразных терминах и формах. Элементы дифференциального отношения являются неопределенными, не реальными и не воображаемыми, они не существуют вне нелокализуемых идеальных связей дифференциальных отношений, в которые вступают и благодаря которым взаимоопределяются.

3. Сингулярности. Взаимоопределению дифференциальных отношений соответствует полное определение ряда сингулярностей, образующих проблематическое пространство, соответствующее элементам структуры. Структура всегда проблематична, и это проблематическое поле определяется дифференциальным полем сингулярных точек. Распределение сингулярных точек соответствует отношениям и элементам структуры, которые соответственно актуализируются в различных пространственно-временных отношениях и воплощаются в разнообразных терминах и формах – инстанциях решения.

Первая группа критериев позволяет нам отметить следующие фундаментальные характеристики структуры. Структура – это виртуальное множество, в котором все элементы, отношения, сингулярности и значения сосуществуют в полностью и совершенно определенном ансамбле. Но этот ансамбль как таковой никогда окончательно и полностью не актуализируется. Актуализируются здесь и теперь конкретные отношения, конкретные значения отношений, конкретные распределения сингулярностей; другие актуализируются в другом месте, в другое время. Таким образом мы можем заявлять, что не существует общества как такового. Каждая социальная формация воплощает строго определенные элементы, отношения и значения. Иначе говоря, социальные структуры всегда виртуальны. Термин «виртуальность» здесь обозначает модальность структуры. Виртуальная структура обладает присущей ей реальностью, не тождественной актуальной реальности – прошлого, настоящего и будущего.

Данные критерии – скорее «геометрического» порядка, позволяющие нам зафиксировать структуру, обозначить ее внешние границы, но не отражающие ее движение, динамику. Для придания структуре содержательности необходимо обратиться ко второй группе критериев. Ее составляют:

1. Серии. Структура всегда определяется несколькими (ни в коем случае не одной) сериями элементов, существующими одновременно. Сингулярность является исходной точкой ряда, распространяющейся на все обычные (ординарные) точки системы вплоть до приближения к другой сингулярной точке, порождающей другой ряд, местами сходящийся, местами расходящийся с первым. Одни и те же ординарные элементы дифференциальной структуры могут быть отнесены как к одной серии, так и к другой. Это позволяет говорить о ризоматическом строении социальной структуры: множестве, в котором разнородные элементы связаны между собой серийно в соответствии с комплексными отношениями схождения и расхождения (или бифуркации).

2. Алеаторные точки. Взаимодействие расходящихся между собой серий элементов проявляется в существовании алеаторных точек. Это точки схождения серий, во многом расходящихся между собой, точки, принадлежащие в равной мере к каждой из серий. Алеаторная точка – такой элемент структуры, по отношению к которому определяются символические элементы и вариации дифференциальных отношений. Структура тем самым выступает как порядок мест при вариации отношений, алеаторная точка в ней – то, что распределяет различия по всему полю структуры, изменяет дифференциальные отношения. Алеаторные точки обеспечивают функцию соединения двух серий, их коммуникацию, сосуществование и ветвление.

3. Метастабильность. Сингулярности формируют систему, которая развивается в метастабильных состояниях. Метастабильная система характеризуется потенциальной энергией, распределяющей различия между сериями. Метастабильное состояние предполагает существование несоответствий между по меньшей мере двумя порядками величин или двумя шкалами разнородных реалий, между которыми распределяются потенциалы. Сингулярности определяются существованием и распределением таких потенциалов.

Вторая группа критериев как раз таки и позволяет нам отойти от представления о социальной структуре как о тождестве (элементов, социальных отношений, распределения потенциалов и т.д.) и перейти к представлению структуры общества в качестве процесса, непрерывного становления. Выявленные критерии показывают нам всю динамику процесса индивидуации социальной структуры, всегда метастабильной, незавершенной, неполной. Дифференциальные отношения внутри структуры определяют актуальные качества, виртуальные сингулярности – актуальные протяженности.

Осуществленная нами на страницах этой работы деконструкция термина «социальная структура» позволяет нам сделать следующий вывод: структура общества – это пребывающая в метастабильном состоянии виртуальная множественность дифференциальных элементов (как ординарных, так и сингулярных), сосуществующих серийно в пространственно-временных отношениях. Ключевым для нас является признание в качестве социальной струк-

туры процесса, формирующего свои собственные дифференциальные элементы, интенсивность которого неотделима от экстенсивности, так же как проблематическое от решения: это две стороны единого процесса становления структур общества.

Список литературы References

1. Голосовкер Э. Логика античного мифа // Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010.
Golosovker E. Logika antichnogo mifa // Izbrannoye. Logika mifa. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
Delez ZH. Razlichie i povtoreniye. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.
3. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999.
Derrida ZH. Golos i fenomen. SPb.: Izdatel'stvo «Aleteya», 1999.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.
Derrida ZH. Pis'mo i razlichie. M.: Akademicheskii proyekt, 2000.
5. Дьяков А.В. Клод Леви-Строс: в поисках структуры // Хора. – 2010. – № 1/2 (11/12).
D'yakov A.V. Klod Levi-Stros: v poiskakh struktury // Khora. – 2010. – № 1/2 (11/12).
6. Керимов Т.Х. Общество различия: дифференциальная теория структуры // Общество различия и современная социальная онтология II: материалы круглого стола. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2010.
Kerimov T.KH. Obshchestvo razlichiya: differentsial'naya teoriya struktury // Obshchestvo razlichiya i sovremennaya sotsial'naya ontologiya II: materialy kruglogo stola. Yekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2010.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenевtike. M.: Akademicheskii proyekt, 2008.
8. Руткевич М.Н. Социальная структура. – М.: Альфа-М., 2004.
Rutkevich M.N. Sotsial'naya struktura. – M.: Al'fa-M., 2004.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994.
10. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социальные исследования. – 2001. – №9.
Shtompka P. Ponyatiye sotsial'noy struktury: popytka obobshcheniya // Sotsial'nyye issledovaniya. – 2001. – №9.
11. Эко У. Отец отсутствующая структура. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.
12. Nancy J.-L. The Sense of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
13. Peaget J. Le structuralisme. P., 1968.